

Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления

Дмитрий Анатольевич САФОНОВ

ФБГОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
d-safonov@mail.ru

Актуальность. Изучение поколения «революционного перелома» позволяет проникнуть во внутренний мир людей эпохи революции и гражданской войны. Особый интерес представляет начальный этап становления представителей данного поколения, приходившийся на первую революцию 1905–1907 гг.

Методы исследования. Из всех групп молодежи менее всего изучена крестьянская молодежь – в немалой степени из-за ограниченности источниковой базы. Формулирование выводов и наблюдений возможно только на основе представительной базы данных по социальной активности крестьян и источников личного происхождения. В исследовании использованы аналитические и историко-статистические методы.

Результаты исследования. На основе полной коллекции источников по Оренбургской губернии и ее анализа стало возможным оспорить мнение о всеобщности распространенных в литературе утверждений о нарастании в рассматриваемый период сознательности крестьянской молодежи и проявлении межпоколенческих конфликтов. В то же время факты свидетельствуют о начале этого процесса.

Выводы. Сделанные наблюдения не претендуют на всеобщность, но позволяют предположить схожесть условий и возможностей рассматриваемой губернии с иными, также окраинными. Большие территории, слабые коммуникации наряду с иными характерными чертами окраин создавали дополнительные сложности политическому просвещению сельской молодежи. Отсюда проявления крестьянской активности ценны не только и не столько количеством случаев, но и фиксацией качественных изменений в крестьянском сознании. Изучение воззрений крестьянской молодежи периода революции и гражданской войны требует обращения к самому началу формирования таковых.

Ключевые слова: крестьянство, поколение «революционного перелома», первая революция, молодежь, поколенческая история, источники личного происхождения

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132 «Поколение «революционного перелома» в судьбе российской деревни первой трети XX века».

Для цитирования: Сафонов Д.А. Крестьянское поколение «революционного перелома»: начало становления // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 673-688. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

Peasant generation of the “revolutionary turning point”: beginning of its formation

Dmitriy A. SAFONOV

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
d-safonov@mail.ru

Importance. The study of “revolutionary turning point” generation allows to penetrate into the inner world of people of revolution and civil war era. Of particular interest is the initial stage of formation of representatives of this generation, which occurred during the first revolution of 1905–1907.

Research methods. Of all the groups of youth, peasant youth is the least studied – in considerable part due to the limited source base. The formulation of conclusions and observations is possible only on the basis of a representative database on the social activity of peasants and sources of personal origin. Analytical and historical-statistical methods were used in the research.

Results and Discussion. On the basis of a complete collection of sources on the Orenburg governorate and its analysis, it became possible to challenge the opinion about the universality of statements common in the literature about the increase in the consciousness of peasant youth and the manifestation of intergenerational conflicts in the period under review. At the same time, the facts indicate the beginning of this process.

Conclusion. The observations made do not pretend to be universal, but allow us to imagine the similarity of the conditions and capabilities of the governorate under review with other, also adjacent ones. Large territories, weak communications, along with other characteristic features of the outskirts created additional difficulties for the political education of rural youth. Therefore, the manifestations of peasant activity are valuable not only and not so many cases, but by fixing qualitative changes in the peasant consciousness. The study of the views of peasant youth during the revolution and the Civil War requires an appeal to the beginning of such formation.

Keywords: peasantry, generation of the “revolutionary turning point”, the first revolution, youth, generational history, sources of personal origin

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation no. 22-18-00132 “Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the 20th century”.

For citation: Safonov, D.A. (2023). Peasant generation of the “revolutionary turning point”: beginning of its formation. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 3, pp. 673-688. (In Russ., abstract in Eng.)
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Тема «поколения «революционного перелома», или «поколения революции» в настоящее время привлекает повышенное внимание исследователей [1–3]. В принципе каждое очередное поколение можно рассматривать как новый качественный уровень раз-

вития социума – но эпоха революции и вос-
последовавшей за ней гражданской войны с
кардинальными переменами во всех сферах
заслуженно занимает особое место.

Мы учитываем, что понятие «поколения» может иметь несколько объяснений: все, живущие в определенный исторический период; выросшие/сформировавшиеся в та-

ковой; либо самая активная часть современников, чьи действия в итоге и предопределили «особость» данного исторического периода. При наблюдаемой многовариантности подходов все же есть общее – качественные изменения в обществе вообще, накладывающиеся на матрицу определенного возраста. При этом эффект такого воздействия сказывается не сразу, может иметь место отсроченный эффект.

То, что с этой точки зрения наиболее выразительны именно представители молодежи, также очевидно. Советская историография исходила из исходной констатации молодежного протеста и поступательного нарастания его массовости и организованности. Особое внимание к последнему выводило за рамки факты, не вписывающиеся в концепцию, и позволяло рассматривать представления как нечто единое. К «поколению революционного перелома» относятся родившиеся в период, начиная с середины 1880-х гг. Таким образом, первая революция становится начальным этапом их личностного становления.

Касаясь темы «молодежь и первая революция», исследователи в качестве объекта выбирали преимущественно студенчество, учащуюся молодежь, а также молодых рабочих [4–11]¹. Эти группы были наиболее представлены в источниках, что способствовало созданию наглядной картины их революционизирования. За студентами и иными группами обучающихся наблюдение велось; причем по нескольким каналам – от спецслужб до администраций конкретных учебных заведений. Оставляя в стороне эффективность подобного надзора, субъективизм

¹ Даже в случаях, когда в заголовке речь шла о молодежи «вообще», авторы все же уточняли, что объект исследования – учащаяся и рабочая молодежь [Перебийнос А.Е. Уральская молодежь в конце XIX – начале XX вв.: численность, облик, настроения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000. С. 2], учащаяся молодежь (Н.В. Малышева) [7, с. 805]; Иценко О.В. Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2011. 43 с.

оценок и тому подобное, констатируем, что таковой был, и, что немаловажно, оставлял за собой бумажный след, образовавший впоследствии источниковую базу. Прибавим сюда еще их уровень грамотности и образованности, позволяющий впоследствии писать мемуары. Рабочая молодежь, разумеется, находилась в менее комфортных информационных условиях – но зато идеологический посыл о высокой сознательности рабочего класса вкупе с иным стереотипом относительно безусловной веры в истинность источников из «рабочей» среды гарантировал полное доверие даже мемуарам. Сообщения о деятельности конкретного человека в период гражданской войны подвергались внимательной проверке и были в массе своей перепроверяемы. Сведения об участии того или иного мемуариста в какой-либо подпольной организации/кружке/группе в период первой революции в массе своей не подтверждались ничем, никакими прямыми или косвенными свидетельствами, но принимались с должным доверием. А это побуждало сочинителей к новым рассказам. Участие в первой революции ощутило увеличивало революционный стаж и работало на имидж автора.

Из всех тогдашних групп молодежи крестьянская молодежь явно проигрывала в информационном плане. Практически до 1907 г. существовала знаменитая иллюзия власти о крестьянстве как единой массе, настроенной в стиле «теории официальной народности», власти воспринимали сельское общество как единое целое. Информация о конфликтах в том или ином селе, как правило, не персонализировалась.

Свойственные советской историографии подходы по сути сохранились и по сей день. И сегодня авторы пишут о студенческой и тому подобных группах молодежи, представляя сочетаемую мозаичную картину из подобранных фактов и свидетельств, в итоге делая вывод о всеобщности сделанных наблюдений и выводов. Те, кто берет проблемы в рамках отдельно взятого региона, поступают аналогично, только ограничиваясь источниками в границах этого региона [5–8]. Лю-

бопытно указать, что раньше, например, в 1920-х гг., картина «революционизирования» молодежи включала в себя молодежь крестьянскую².

Широко распространена традиция говорить о крестьянстве обобщенно, в целом, именно как классе, социальной группе с едиными желаниями и требованиями [12; 13]. Так, И.С. Свиридов, ставя задачу выяснить причины пробуждения самосознания «великорусского крестьянства» на рубеже двух веков [14], тем самым молчаливо исходит из посылки, что до указанного периода у крестьян самосознания не было. Закljučая, что «поводом к пробуждению самосознания» явились «ухудшение взаимоотношений между крестьянами и их администрацией в лице земских начальников, волостных старшин и волостных писарей»; агитация эсеров и социал-демократов, он основывается на документах Государственного архива РФ о деятельности Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Это достаточно рискованная система доказательств, поскольку если выводы строятся на материалах ВКС, то простая логика подсказывает, что если в какой-либо губернии ячеек ВКС не было, то губерния эта в документации ГА РФа не отражена. А это, в свою очередь, означает, что говорить о всеобщности того или иного явления нет оснований (в Оренбургской губернии ячеек ВКС не было). Примеры смелых, но слабо доказанных суждений можно продолжить: что крестьяне «несли в себе **первобытную разрушительную силу бунта**» (А.Н. Назаров) [8, с. 92]; что «с образованием Государственной думы и получением права открыто выражать свои требования великорусское крестьянство **в полной мере осознало себя** как полноценное сословие в рамках русского общества» (И.С. Свиридов) [14, с. 125], что «атмосфера нестабильности и хаоса в 1905 г., как в политике, так и в повседневной жизни», благоприятствовала «бунтарству

² Киров А. Молодежь в 1905 г.: [сборник] / Ист.-мол ЦК РЛКСМ. Комиссия по изучению истории юн.-движения в России; сост. А. Киров. Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1926. 134 с.

молодежи» (С.И. Бусько) [4, с. 133]. А.Ю. Вязинкин, К.А. Якимов высказываются о восприимчивости крестьян к революционной агитации и последующем «формировании крестьянской программы преобразований», основываясь на свидетельстве неонародника В.Г. Богораза [1, с. 1300]. Между тем книга последнего («Новое крестьянство») была издана в 1905 г., то есть до массовых крестьянских волнений 1906 г., и представляла собой наблюдения автора за «деревенскими настроениями» в конкретном селе Балашовского уезда Саратовской губернии.

Когда исследователь убежденно сообщает, что «большинство» крестьян придерживалось определенных взглядов, то он, по сути, обходит минимум три острых вопроса: почему он полагает крестьянство России единым целым – без возрастных и национальных особенностей (оговорка, что объект изучения – «великорусское» крестьянство – не спасает; тогда дополнительный вопрос: каковы представления не-великороссов), какими приемами автор будет доказывать точку зрения «большинства» и, наконец, каковы взгляды «меньшинства»? Только по Оренбургской губернии можно привести несколько примеров социальной активности крестьян в 1905 г., но, условно говоря, с «отрицательным знаком»: в с. Ломовке манифестация под руководством студента Добросердова по случаю манифеста 17 октября встретилась с иной манифестацией: ««Дай нам бумагу-то от государя, а так мы вас за начальство не признаем», крикнул кто-то из толпы встретившихся крестьян. Толпа зашумела, заволновалась. «Не ходите, мы вас не пустим... Вы самозванцы... У нас царь белый, а вы пришли с красными флагами... Мы за белого царя умереть готовы...» Толпа бросилась на манифестантов, а вечером начался погром участвовавших в демонстрации»³. В с. Гавриловке, Бузулукского уезда приехавшая группа «революционно настроенных»

³ 1905 г. в Оренбургской губернии: (К 20-летнему юбилею Первой русской революции 1905 года) / сост. М. Гришин и др. Оренбург: Изд. Оренбург. губист-парта, 1925. С. 67.

учителей и мелких торговцев попыталась провести митинг: «Но провести митинг вышеуказанной группе не удалось, кулачество с. Гавриловка в лице Сапожниковых, Губановых, Куляниных и другие организовали противодействие»⁴.

И только относительно недавно стали появляться работы, ставящие проблему несколько в ином ракурсе. Так, авторы монографии «Человек в революции: Казанская губерния» прямо указывают, что они представляют первую русскую революцию «не как коллективное движение масс с абстрактными требованиями в виде различных петиций и проектов, а как мысли, чаяния, действия отдельно взятого человека», как «историко-антропологическую картину революционной эпохи» [15].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Акцентирование внимания на нарастании революционных настроений, на приходе в революцию неизбежно определяло отбор источников. Однако архивные изыскания показывают, что ожидание ярких примеров уже на начальном этапе достаточно иллюзорно. Вероятно поэтому для рассмотрения часто берется период «начала XX века» или «первые десятилетия XX века» [3], что позволяет смикшировать материал и тем самым компенсировать слабые позиции по первой революции за счет данных по второй. Источники, раскрывающие внутренний мир людей, достаточно субъективны и чаще всего используются как иллюстрации. Так, Р.В. Рыбаков заявленную тему восприятия революции в России молодежью раскрывает на материалах писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг., используя три архивные ссылки на дела и книгу «Дневники и письма комсомольцев», изданную в 1976 г. [16].

Гораздо более важны, но значительно более сложноуловимы моменты начальных моментов деформации сознания, причем у

⁴ Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (НА ОГИКМ). Ф. 2554. Оп. 1н. Ед. хр. 1003. Л. 2.

конкретных людей. Мы ставим перед собой задачу рассмотрения таковых применительно к крестьянской молодежи в одном отдельно взятом регионе – в данном случае, Южном Урале – с максимально репрезентативной источниковой базой. Это, прежде всего, данные о социальной активности крестьян и источники личного происхождения. По первому мы располагаем хроникой⁵, по второму – каталогом [17]. Хроника отражает практически все известные случаи проявления крестьянского активного протеста в период 1855–1923 гг. на Южном Урале (на середину XIX века – практически Оренбургская губерния). Каталог суммирует информацию обо всех источниках личного происхождения по содержанию двух типов: написанные оренбуржцами либо написанные о событиях в Оренбуржье. Таким образом, имеющиеся мемуары и сходные с ними источники (например, автобиографии) можно рассматривать как естественную выборку.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Поднимаемая в последнее время проблема изучения поколений и особенно «поколения революции» не может пройти мимо сюжета о первой революции. Хотя мы говорим о «поколении революции», имея в виду прежде всего революцию 1917 г., начинаться изучение должно с первой, а то и несколько ранее – с учетом возраста участников. Чтобы быть вовлеченными хоть как-нибудь в происходящее в 1905-м, подросткам надо было бы быть рожденными не позднее начала 1890-х гг. По сути, это было второе пореформенное поколение, не помнившее крепостного права, но владевшее памятью предков. Так, житель Преображенского завода К.С. Голубцов вспоминал: «Отец с детства воспитывал во мне ненависть к царизму и раскрывал глаза неправду, в то же время, указывая на тяжелое экономическое положение уральских горно-заводских крестьян и

⁵ Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922. Хроника и историография. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 315 с.

рабочих, в последнем отношении особенно много для меня сделал мой дед, который был сам крепостным, работал в шахтах и который своими рассказами о крепостном праве много делал для моего политического воспитания»⁶.

Поначалу, после эмансипации, все конфликты у крестьян были так или иначе связаны с землей – владением ей, возвращением ее, получением ее, обретением возможности распоряжаться землей, а также платы за пользование и т. п.; то есть вопросы исключительно экономические. Все названные проблемы волновали прежде всего тех, кого они предметно затрагивали – кто работал, кто платил и т. п., кто имел право голоса на сходе. Иными словами, подростки оставались как бы за рамками происходящего, одновременно оставаясь если не участниками, то наблюдателями. Если еще более точно – то участниками, не отмеченными в источниках. Хронологически впервые мы встречаемся с упоминанием о них в южноуральском регионе в 1876 г. Пристав начал освидетельствование хозяйств в д. Мендянова Белебеевского уезда Уфимской губернии на предмет поиска самовольно вырубленного леса из «участка, отмежеванного про запас». В первом же дворе ему преградили путь женщины и подростки с рычагами⁷.

К концу XIX века прежние споры вокруг земли потеряли свою актуальность для молодого поколения – как, например, вопрос об отрезках, столь болезненный для крестьян периода реформы. Помещик перестал быть «главным злом», особенно в окраинных губерниях, где помещичье землевладение было не таким распространенным. И в то же время простая логика подсказывает, что в сельском обществе неизбежно сохранялась память об истоках конфликта – бывшие на начальном этапе подростками, крестьяне выросли, становились совершеннолетними, равноправными членами общины. Активность именно молодежи мы наблюдаем там, где

была традиция конфликта – как, например, в д. Сукулак Оренбургской губернии, где спор тянулся со времени подписания уставных грамот и до начала XX века. Так, после нескольких лет упорного отказа платить выкупные платежи, в ноябре 1877 г., властями была начата опись имущества. В ответ толпа вооружилась – по свидетельству пристава, «даже у мальчишек и девиц были видны ружья, сабли, пики, ножи». Крестьяне заявили, что они уничтожат несколько человек – «им нужен один конец – безразлично, смерть или каторга». Основную массу сопротивляющихся составили именно молодые крестьяне – когда пристав приказал силой взять сопротивляющихся, то последние «сбросили с себя верхнюю одежду, поклонились отцам и матерям в ноги, простились друг с другом и направили в пристава ружья и пики» со словами «ну идите, мы готовы»⁸.

Впрочем, до начала XX века подобные случаи были редки; существовавшая система давала недовольному крестьянину возможность жалоб и, соответственно, надежду на правильное справедливое решение, и даже некоторую альтернативу – уйти в город. Известно, что крестьяне прибегали к насильственным мерам в исключительных случаях, предпочитая разрешение любого конфликта в законных рамках; правда, по своим представлениям о законности и справедливости.

В годы первой революции многое менялось, активность крестьянских обществ возрастала – порубки, покосы, захваты земли и т. п. Перемены коснулись и молодых; они начинают активно поддерживать «своих» (что фиксируется в документах): во время сбора податей крестьянин Васючков отказался платить 20 руб., при поддержке сына с помощью ножа и топора оказал сопротивление (март 1905 г., Оренбургская губ., Нижне-Авзяно-Петровское общество)⁹; отец и сын Митченко распространяли прокламации и агитировали за республиканскую форму правления (июнь 1907 г., Уфимская губ.,

⁶ ОГАОО (Объединенный государственный архив Оренбургской области). Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 1.

⁷ НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 1/187. Оп. 1. Ед. хр. 638. Л. 170.

⁸ ОГАОО. Ф. 10. Оп. 7. Ед. хр. 516. Л. 1-49об.

⁹ ОГАОО. Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 4. Л. 93.

Стерлитамакский уезд, с. Ново-Макарово)¹⁰; волостной судья с сыном агитировали, что царя повесят, а землю разделят между крестьянами (август 1907 г., Уфимская губ., Стерлитамакский уезд, Уршаклинская вол.)¹¹ и т. п.

Если говорить о крестьянской молодежи периода первой революции более предметно, то среди таковой можно выделить три группы.

Прежде всего – это подростки годов рождения начала 1890-х. Так, сестра активного крестьянского деятеля С. Блиничкина в с. Спасском Данилова писала в 1928 г.: «мне приходилось выполнять поручения такого рода: разбрасывание, распространение прокламаций, листовок, брошюр и даже книг среди крестьян окрестных сел. Всю эту работу обыкновенно приходилось делать по ночам. <...> Далее мне приходилось выполнять работу по привлечению крестьян и крестьянок на митинги, устраиваемые моим братом и группой товарищей по лесам и оврагам окрестных сел и хуторов»¹². Другая крестьянка – Ракитина – эмоционально описывала, что в 1905 г., когда ей было 13 лет, к ее братьям, состоявшим в некоей подпольной организации, ночью пришли с обыском. В возникшей суматохе рассказчица надела только нижнюю юбку, покрыла платком плечи и за воротник сорочки спрятала револьвер. Оружие искали везде – но поскольку девочка была, очевидно, полуодета, ее обыскивать не стали; так оружие было сохранено для революции¹³. Другой рассказчик, Платон Щербак, вспоминал, что когда ему было 11 лет, учитель их села в Черниговской губернии Афанасий Михайлович «брал меня с собой чтоб я охранял когда они занимаются в кружке чтоб не мог никто из посторонних пройти к ним»¹⁴. Он же специально привел мальчика к себе на квартиру: «провел со мной беседу на тему что я был всегда с ним и выполнял все пору-

чения»¹⁵: среди таковых была поездка в город Новосеверск, в типографию, передать корзину – «на пристани меня встречал А.М., тихонько спрашивает как дела, я отвечаю все в порядке». Платон привез обратным путем листовки и протоколы, которые потом «часто» с учителем носили на завод «вроде за грибами с корзиной, в ней листовки»¹⁶.

Другой подросток И.Е. Слащанин вспоминал, как в 1905 г. к ним в с. Поляковку приезжал рабочий Оренбургских ж. д. главных мастерских Иван Кучеров. С группой крестьян из Поляковки и соседнего села Спасское они ушли в лес справлять маевку: «Я и со мной товарищи-подростки пошли в лес и там видели и слышали, как они проводили маевку и пели революционные песни против царя и помещиков». Односельчанин Прохоров – «дядя Вася» – «дал нам майский гостинец и вместе с тем дал несколько листовок, которые просил нас ночью расклеить их в селе на заборах и одновременно пригрозил нас, чтобы мы об этом никому не рассказывали и запугал нас тюрьмой – узнают, посадят в кутузку. Мы поручение это выполнили, а на утро урядник искал по селу виновников в этом, но установить ему не удалось, так сделано было втихую». Позднее, в 1907 г. «в ночное время, меня, Облицова и Титова встретил дядя Вася и сказал нам: «Идите и сожгите сено на гумне Эверсмана». Сено было сожжено, но в то время до нас ничего не доходило, и мы не разбирались в этом. А когда разобрались, что сено сожжено было потому, Эверсман отдавал крестьянину косить луга исполу, и тут же, в страдную пору, крестьянина заставлял возить сено ему на гумно, и свое сено крестьянин обязан увезти себе на гумно. Но в момент уборочной трудно было возить, не было сбури и времени, а до зимы оставлять на лугах – помещик не разрешал»¹⁷.

Видно, что детей использовали практически втемную. Не будем также забывать, что это их собственные рассказы, записанные значительно позднее; в условиях, когда

¹⁰ НА РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 31.

¹² ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 93. Инициалов в документах нет.

¹³ Там же. Л. 120. Инициалов в документах нет.

¹⁴ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 47об.-48. Так в тексте.

¹⁵ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 48об.

¹⁶ Там же. Л. 49.

¹⁷ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 171. Л. 72.

«удревление» своего участия или содействия революционному движению было в осязаемый зачет. Потому и рассказ о своей помощи революции чаще всего был достаточно неопределен, конкретика скрыта за общими фразами.

Практически то же самое можно сказать о свидетельствах молодых крестьян постарше, чьи годы рождения приходились примерно на середину и вторую половину 1880-х гг. О своем участии в революции 1905 г. писал Я. Немчинов (1889 г. р.): «Участвовал на тайном собрании, устроенном в лесу, приехавшими с Самары представителями эсеровской партии и партии социал-демократов. Собрание проходило под лозунгом: «Долой царское самодержавие, долой помещиков! Землю крестьянам». Закончился митинг пением революционных песен и шествием с красными флагами». Далее он заключал: «Царское правительство подавило революцию в рабочих центрах и бросило ряд карательных отрядов для подавления крестьянских восстаний, этого не миновало и наше село Гаршино, где также часть зачинщиков было арестовано, а за вырубку помещичьего леса и разграбленный инвентарь главари передовики подверглись экзекуции розгами, до полусмерти. Я в это время скрылся, уехал в Среднюю Азию и там мог избавиться от наказания царских палачей»¹⁸. Автор фактически только участвовал в «тайном собрании». Сходным образом, П.Н. Мосин (1884 г. р.) эмоционально описывал, как он хранил запрещенные книги: «Загорелась искра в селе Белозерки... В доме Мосина П.Н. полились к нам книги, бесцензурной книги мы поимели и крепкую связь между собой и стали подбирать крепких товарищей к политическому настроению и к свержению царской своры и капитала. Кровавый Николай похвастался своим манифестом, через этот манифест сколько в крови людей потопили но наша работа проводилась с большой гордостью и крепла наша сила и дух. Не отступали от политического настроения и от работы своей,

¹⁸ Архив Бузулукского краеведческого музея. Т. 7. Л. 22.

но как ни крепок наш дух и сила и политическое настроение царская свора применила военно-полевую суд, казни и расстрел, тут же жандармская полиция стала делать облаву и стала искать зачинщиков, делать обыски, искать книги бесцензурные, в которых только что указано свержение царя и капитал. Жандармская полиция сколько она рыла, но зачинщиков нашла»¹⁹. Другой участник «подпольной организации», только в с. Буланове, В. Маклашов сообщал о себе, что он в пивной «распространял политическую литературу <...> крестьянам смотря по их технической грамотности всовывал в карманы запрещенную литературу среди небольшого размера книжечек была и программа Р.С.Д.Р.П, которая развозилась по другим селам особенно после базарных дней»²⁰. Г.К. Секерин в 1905 г., будучи подмастерьем у кузнеца М.Е. Харитонова, занимавшегося, помимо прочего, пропагандой, был хранителем привозимой последним из Оренбурга литературы: «Хранил эту литературу можно сказать я, нагребен снег около крыльца, тут была вырыта небольшая печка для ящика и заливалась помоями»²¹.

И к третьей группе можно отнести молодых рабочих, вчерашних выходцев из деревни. Так, в Оренбурге в 1904–1905 гг. были построены Главные железнодорожные мастерские, которые стали самым крупным предприятием губернского центра; следствием был приток населения из деревень. Так, П.В. Кузнецов вспоминал о своем «первом революционном крещении» – распространении прокламаций: «дня за 2 до 1-го Мая утром Георгий Коростелев, снабдил меня необходимым количеством листовок для распространения и расклейки, и предупреждает: Попадешься, так говори нашел, но не понимаешь что в них написано, и расклей где можно... Расклеить и подбросить можно было в первую очередь – в уборной, куда ходят

¹⁹ НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1. Д. 945. Л. 8. Так в тексте.

²⁰ ОГАОО. Ф. 8180. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 5.

²¹ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 69. Так в тексте.

рабочие из кузницы и литейной. Это поручение было выполнено более удачно... Маленькое поручение окрылило надежды на большее **мне захотелось сделать значительно заметное дело**²². Например: подбросить листовку своему первому начальнику по бригаде – бригадиру. Долго ждал удобного случая, и вот когда бригадир на несколько минут был вызван к мастеру кузницы, осторожно, чтобы никто не заметил со стороны из медников, помощников и учеников и вообще тех кому еще пока не следовало знать, один миг и листовка в книге заказов шкафа бригадира. А затем некоторое время нервное состояние. Вдруг де спросит бригадир, кто положил, да и со стороны укажут, что в его отсутствии крутился какой-то. Напрягаю силы, нажимаю на дрожащую пилу. Волнение еще больше усилилось когда бригадир из цеховой конторы направился прямо к шкафу, я отвернувшись к верстаку и тисам начал с ожесточением пилить, стараясь скрыть внутреннее волнение. Листовка находилась уже в его руках – приковало его внимание, чувствую прикосновение его руки на своем плече. Спрашивает: «Петюша, не видал ли ты кто может быть подходил к шкафу и положил чего либо», собрав силы, – отвечаю – «Не знаю и не видал». Затем бригадир говорил с товарищем Скоростеловым [Коростелевым], что ему кто-то подбросил прокламацию. Значит меня не подозревал. Таким образом я выполнил поручение партии и получил первое революционное крещение»²³.

И.Т. Кочевин (1892 г. р.) вспоминал, что «в дни революционной волны 1905 годов я еще был мальчишкой, мне было всего 13-й год, но ввиду недостачи заработка отца я работал на элеваторе Ташкентской железной дороги, Конечно, в политике еще ничего не смыслил, то есть не понимал, но сам по себе инстинкт, чувство говорило во мне, что все стачки и забастовки ведут рабочий бедный класс к улучшению его жизни, но я должен передать про тех товарищей, которые не по-

кладая рук работали в то время за улучшение нас, бедных рабочих и крестьян». Себе в заслугу он ставил то, что когда митинг стали разгонять казаки, он «спрятал листовки под рубашку, бросился через заплот, но в то время подошел ко мне один казак, ожег несколько раз нагайкой, я крикнул «мама», пока добежал домой, то у меня рубашка пристыла к телу, да еще попало дома, когда родители увидели у меня листовки. Конечно, скорее схватили их у меня и сожгли»²⁴.

Привлечение молодежи к социальной активности в условиях начавшейся революции, как, впрочем, и привлечение крестьян вообще, происходило исключительно через агитацию. Здесь также есть варианты. Прежде всего – привозная в село литература: единичные экземпляры листовок и брошюр, чаще всего нефиксируемых названий и партийной принадлежности – все что их объединяло, это бесцензурность издания. Разумеется, местные левые организации пытались, начиная с первых же месяцев революции, издавать что-либо свое, но это было неизбежно сопряжено с разного рода сложностями, поэтому в ход шло все, что было. Например, известно, что агитатор от Оренбургской группы РСДРП, посланный в деревню в августе 1905 г., вез с собой газеты «Революционная Россия» № 39 за 1904 г., «Социал-демократ» № 3, оттиски газеты «Искра» №№ 59, 61, 79, номера 19, 22–23 «Освобождения» и 41 прокламацию – местные и Самарских организаций ПСР и РСДРП²⁵.

Свидетельствующие о полученных и прочитанных изданиях крестьяне, как правило, крайне неконкретны. Так, Платон Щербак вспоминал, что его отец привез из Киева три листовки «протоколы марксистско-ленинской теории № 8-9-11», а он, в свою очередь, привез из Новосеверска «протоколы 8-9-10-11-12»²⁶. Ссылные латыши К. Убарс и И. Калнинь свидетельствовали, что они распространяли среди крестьян Оренбургского уезда несколько экземпляров програм-

²² Выделено нами. – Д. С.

²³ ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 31-32об. Так в тексте.

²⁴ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 1-4об.

²⁵ ОГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 433-433об.

²⁶ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 47об.

мы РСДРП, несколько брошюр о Государственной Думе и номер «Санкт-Петербургской газеты»²⁷.

М.А. Синецын, утверждавший, что он входил в «полит. кружок», созданный в 1905 г. в с. Исаево-Дедово неким политическим ссылочным В.А. (учитель), где у него была «обязанность распространения и раскидки полит. прокламаций и раздача крестьянам полит. книг. Мною было распространено и раскидано до 5000 экземпляров прокламаций и книг»: «Для того, чтобы распространяющего не могли заметить, когда он разбрасывал листовки, таковые были свернуты формой **конфеты** и их было легко разбрасывать, совсем почти незаметно. А каждого увидевшего их, они заманивали, так как представляли из себя форму конфеты. Поневоле каждый брал, разворачивал и читал. Книги, брошюры и листовки разбрасывались и передавались через знакомых не только в с. Исаево-Дедово, но и во все окрестные села в области». Но мемуарист не мог вспомнить ни одного названия, ограничиваясь упоминанием, что «литература доставлялась нам из города Оренбурга политпартией с.-р.»²⁸.

Едва ли не исключение – крестьянин с. Спасского Оренбургской губернии И. Филатов, прямо назвавший возбудившую его книгу – «Пауки и мухи»: «Мне тогда было 24 года, но в политике я ничего совершенно не понимал, а также о революции понятия не имел, и по своей темноте, как и другие, верил в Бога и чтил царя-батюшку, как помазанника божьего, и как не тяжело жить, а выхода из тяжелого положения не видел, но совершилось то, о чем я и никогда и не думал. Приехавшие студенты остановились у односельца Семена Яковлевича Блиничкина, с ним они начали вести беседу о начинающейся революции, видимо дали ему сполна понять, что до сего времени народ был одурачен царем, правительством, попами и помещиками. И не смотря то, что он до этого момента тоже был религиозен и чтил батюшку-

царя, ибо он не имел образования, даже сельского, а учился у старушки. Но я был одарен природным умом и развил себя самообразованием, был начитан и считался в нашей местности одним из умных и грамотных крестьян, а так как мы с ним случайно были членами Спасского Кред[итного] т[оварищес]тва, были в самых дружеских отношениях, то он по выслушанному от студентов пришел за мной, и первое его ко мне было обращение, когда я пришел к нему: «Я хочу говорить с тобой – вещи секретные, не бойся что я тебе скажу, ведь мы до сего времени были одурачены царем и его правительством». Он замолчал, а я смутился, **потрусил** и понять его не мог, думал, что он с ума сошел. Он видя, что я не понимаю, ввел меня в другую комнату, где были т.т. Колчанов и Дезорцев. И последние дали мне подробное разъяснение: что такое революция, для какой цели она совершается, и что царь – это крупный помещик, обладающий чуть ли не миллионами десятками земли, а вы крестьяне земли не имеете. И дали мне книжку под названием «Пауки и мухи» изд. Донская речь. И предупредили меня, что книжка эта нелегальная, будь осторожней и прочитай, но пока никому ничего не говори. Взяв эту книжку, я спрятал ее под исподнюю рубаху и туго подпоясался ремнем, поторопясь уйти и прочитать. Пришел домой, запер дверь из избы на крючок, чтобы никто не пришел. Начал читать с жадностью и когда дошел до слов «все что лживо и фальшиво правят страной, и что честно справедливо топчат ногой», я понял, что «пауки» это царь, министр, помещики и попы, а «мухи» это бедный одураченный народ, который даже поколения забитый, одичалый, заброшенный в медвежьих углах мужицкой жизни слепо верят в Бога и царя, и подставляя свои сгорбленные спины и несет все трудности и невзгоды жизни, молчали. Книжка эта была в несколько листов, я скоро ее прочитал. Во мне взволновалась кровь, я озлобивший схватил эту книжку и бегом пошел в дом С.Я. Блиничкина. По дороге в размышленьи, что с глаз моих эта книжка сорвала повязку темноты, я стал ве-

²⁷ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 46.

²⁸ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1-8. Так в тексте.

сел, и когда пришел то С.Я. заметил мой веселый вид, сказал мне: «Вижу, что и ты так же скоро понял, как мы были обмануты, ну будь мне брат, и мы с ним побратались. Затем мы вошли в другую комнату к студентам и начали вести беседу, гораздо оживленнее, чем в первый раз»²⁹.

Как раз приезжающие студенты, как и иные «не-крестьяне» и составляют условное второе направление. М.А. Синицын вспоминал, что в Исаево-Дедово «несколько раз на наших митингах выступали с речами ораторы, приезжающие из города Оренбурга: «Они нас воодушевляли в полит. духе, вводя нас все более в полит. работу»³⁰. Он же утверждал, что учитель В.А., создавший кружок в с. Исаево-Дедово, «энергично взялся за организацию по свержению царя, угнетавшего наши **крестьянския и рабочия** массы»³¹.

А.Я. Савельев вспоминал о ночных митингах и собраниях рабочих фабрики и крестьян села Измайловки и других сел, куда из города Симбирска приезжали ораторы³². С.Д. Сучков утверждал, что «предшественником» его «активного участия в революционной борьбе», было присутствие в 1905 г., когда ему было 15 лет, на митинге, который в с. Гавриловке Бузулукского уезда попыталась провести «группа революционно настроенных, интеллигенции (учителей из второклассной Алексеевской школы), а также мелких торговцев»³³.

И, наконец, вероятно, самая эффективная – агитация самими крестьянами, причем, «своими», то есть знакомыми. Так, Данилова писала, что «до 1905 г. я была совершенно темная безграмотная крестьянка и никакой конечно революционной работы не знала, до тех пор пока мой брат Семен Блиничкин не разъяснил мне значение революции и что она дает народу. С этого момента я почувствова-

ла и поняла правоту борьбы трудящихся с угнетателями помещиками и стала выполнять разного рода поручения группы революционеров»³⁴. К.С. Голубцов сообщал, что до 20 лет я жил в [Преображенском] заводе, ездил с отцом в извоз, косил траву, жал хлеб и выполнял другие работы. В этот период, как ученый, но сын извозчика, одного роду и племени с крестьянами, говорил им о царизме, об эксплуатации и многом другом, и мне верили, и я говорил, агитировал»³⁵. Т.Н. Гребенников (1887 г. р.) владел пивной, в с. Буланове Оренбургской губернии, где крестьянам засовывали в карманы запрещенную литературу, а кроме того, угощал знакомых папиросами, «ведя в то же время объяснение не ясности в жизни, о безкультурии» – «подтачивая» устои дома Романовых³⁶. По свидетельству подмастерья кузнец М.Е. Харитонов «во время базара вставал где-нибудь на высокую [пропуск в тексте] или на прилавок. Он обладал хорошей речью и призывал народ к восстанию, к свержению самодержавия, раздавал литературу, которую привозил из города Оренбурга»³⁷.

Отсюда возникает важный вопрос: что именно из агитации усваивали молодые люди? Еще конкретнее: что им говорили и что из этого они усваивали? Ответ на этот вопрос – в их свидетельствах.

Уже упомянутый И. Филатов перечислял, что же он сделал «в революционном движении» (логика подсказывает, что он делал то, что ему рекомендовали делать как «революционеру» приезжие агитаторы): организация схода крестьян, где выступили студенты, раздача революционной литературы крестьянам, ее чтение «в секретных собраниях», расклейка ночью прокламаций, поездки в Оренбург за революционной литературой, выступления на митингах, участие в манифестациях с пением революционных песен по улицам села Спасского, и в итоге «участвовал в заговоре и убийстве двух по-

²⁹ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 1-6об. Так в тексте.

³⁰ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1-8.

³¹ Там же. Так в тексте.

³² ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 22-25.

³³ НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1н. Ед. хр. 1003. Л. 1-20.

³⁴ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 93.

³⁵ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 2.

³⁶ ОГАОО. Ф. 8180. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 24.

³⁷ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 69.

лицейских стражников 26 декабря ст. ст. 1907 г. в селе Спасском»³⁸.

Восемнадцатилетний В. Юркин в селе Спасское ходил на собрания жителей в лесу, где выступали ораторы и пели революционные песни: «Я сам присутствовал на митингах, мне нравились эти политические песни, хотя я в политике ни чего не понимаю, но почему-то залезло в душу и голову революционная песня»³⁹. И только когда казаки разогнали толпу крестьян нагайками, «и даже в это время моего дядю Гордея забили насмерть нагайками», то у него «зародилась злоба на сердце против этих паразитов помещиков и империалистов, как то Николай и его приспешники»⁴⁰.

Савельев А.А.: «На митинге рабочих и крестьян призывали к единому сплочению и говорили, каким путем и чего нужно добиваться рабочим и крестьянам»⁴¹. Как писал значительно позднее Карл Убарс, «наших премудростей» крестьяне не понимали, гораздо лучше давались решения вопросов из хозяйственного быта – вот и в листовках к крестьянам они «просто указали на недостатки и как от них избавиться»⁴². Впрочем, и сами агитаторы понимали задачи агитации по-своему: «Притом мы сами как рабочие с малой практикой в партработе тоже неясно еще усвоили к чему мы должны крестьянство учить. Одно только для нас ясно было, что мы должны в крестьянстве возбудить ненависть к существующему строю, что они в некоторых случаях уже сами имели»⁴³. Слово «ненависть» встречается в воспоминаниях неоднократно – являясь, несомненно, словом знаковым.

В октябре 1905 г. К. Гуреев вместе с другими односельчанами работал в Оренбурге на земляной сдельной работе. Когда началась забастовка, они все также бросили работу. Далее рассказчик, которому было 19 лет, и

которые по его словам, не знал, что такое собрания и митинги, тем не менее, вступил, по его словам, в спор с бастующими рабочими: «Большинство из них в дым пьяные, и между собой они вели горячий спор, одни рабочие говорили: «Нам нужно добиться полного свержения буржуазного самодержавного правительства и царизма. Избрать и восстановить рабочую власть, добиться восьмичасового рабочего дня и прекращения империалистических войн». В этом споре и я принимал участие, другие прихлебатели и приспешники буржуазии и капитала горячо оспаривали и говорили, что нам и так хорошо: едим, пьянствуем и больше нам не надо ничего. Я возражал против горячо защищающих буржуазию и капитал, я с уверенностью говорил им, что лучше будет рабочему классу жить тогда, когда он свергнет буржуазный самодержавный царизм, и изберет и восстановит свои рабочие правительство и власть, рабочий контроль над всем и установить восьмичасовой рабочий день, охрану труда и так далее и прекратить империалистические войны»⁴⁴.

Проигнорировать подобное свидетельство нельзя; точно так же, как сложно его принять за абсолютную правду – по причине субъективности, свойственной вообще источникам личного происхождения – прежде всего мемуарам. Записывались свидетельства в меньшей мере во второй половине 1920-х гг., по заданиям Истпарта, в большей – в середине 1950-х гг., в рамках массовой инициативы по сбору свидетельств живых участников событий, в связи с приближающимся тогда празднованием 40-летия Великого Октября. Помимо естественного влияния временного разрыва между описываемыми событиями (в данном случае – первой революции) и временем написания воспоминаний, на текст ощутимо влияла эпоха. Не вдаваясь в подробности, отметим, что речь идет о том, что люди были как бы приучены к тому, что и как надо писать. Бросаются в глаза четко и

³⁸ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 35.

³⁹ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 58. Л. 7-7об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 171. Л. 22-25.

⁴² ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 151. Л. 41об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ОГАОО. Ф. 7924. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 1-1об.; 8-8об.

политические грамотно построенные фразы, оценки.

Вызывают большее доверие свидетельства иного рода; «было мне 13 лет. Село захолустное, ничего о политике не знал» (П.С. Сметков)⁴⁵; «революционная волна 1905 и 1906 г. в мои молодые годы была не ясно понятной» (Ф.Г. Юбарев)⁴⁶; «в 1906 г. <...> поступил в оренбургские главные мастерские и стал работать пом. токаря, и до весны 1907 года работал, не обращая внимания на революционное движение» (И.П. Елистратов (1888 г. р.))⁴⁷. При том, что, как уже отмечалось выше, приписать себе заслуги в те далекие годы было достаточно просто, подобные утверждения вызывают доверие.

ВЫВОДЫ

Таким образом, сплошное изучение источников личного происхождения в одном отдельно взятом регионе – в данном случае Оренбургской губернии (юго-восток европейской части России) – по периоду первой революции 1905–1907 гг. позволяет поставить под сомнение распространенное в литературе утверждение о резком нарастании сознательности крестьянской молодежи в рассматриваемый период; более того – о проявлении в российской деревне тех лет межпоколенческих конфликтов. В условиях первой революции крестьянские массы получили несопоставимые с прежним периодом возможности приобщения к политике. Новые идеи и левая пропаганда постепенно

проникали в крестьянское сознание, прежде всего молодежи. Это, наряду с отмечаемыми фактами крестьянской активности, пусть не массовыми и даже единичными, свидетельствовало о начале сложного процесса формирования нового менталитета тех, кого в дальнейшем принято определять как поколение «революционного перелома».

Значительная территория губернии и слабые коммуникации серьезно усложняли возможности политического просвещения молодежи – что повышает ценность собранных свидетельств.

Сделанные выводы не претендуют на всеобщность; мы готовы допустить, что в губерниях центра имели место случаи проявления активности крестьянской молодежи. Но все же следует учитывать разницу между регионами с крупными городами и промышленными центрами и регионами провинциальными. Выразим сомнение суждению А.Н. Назарова, определявшего Санкт-Петербургскую губернию как «типичную великорусскую» [8, с. 92]. На наш взгляд, «типичной» уместнее назвать Оренбургскую, и то с оговоркой, что речь идет об «окраинных» губерниях.

Кроме того, на Южном Урале те крестьяне, которые были действительно активны в 1905–1906 гг., в дальнейшем были изъяты из деревенской среды, круга прежнего общения и влияния, и были так или иначе репрессированы – например, высланы. Те, которые были активны в 1917-м, в массе своей переселились в Оренбуржье после первой революции. В то же время полного разрыва опыта и традиций не могло произойти. Поколение «революционного перелома» стало просыпаться.

⁴⁵ ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Ед. хр. 1118. Л. 3.

⁴⁶ ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 139.

⁴⁷ Там же. Л. 36.

Список источников

1. Вязинкин А.Ю., Якимов К.А. Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296-1303. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>, <https://elibrary.ru/carsng>
2. Вязинкин А.Ю. Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 153-165. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>, <https://elibrary.ru/ipecnd>

3. Слезин А.А. Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей // Вопросы истории. 2022. № 8-2. С. 106-128. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32>, <https://elibrary.ru/xkodrt>
4. Бусько С.И. Молодежь в революции 1905–1907 гг. (на примере белорусских губерний) // София: электронный научно-просветительский журнал. 2019. № 1. С. 133-138. <https://elibrary.ru/lnlcro>
5. Ищенко О.В. Учащаяся молодежь Сибири в период первой российской революции 1905–1907 годов: характер протестных движений // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 34. С. 148-160. <https://elibrary.ru/ktutxd>
6. Кистанов С.В. Молодежь Мордовского края в революционных событиях накануне и в период революции 1905–1907 гг. // Молодежь как активный субъект современного общества: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2013. С. 44-49. <https://elibrary.ru/uzbtmg>
7. Мальшева Н.В. Молодежное движение в провинциальной России в конце XIX – начале XX в. (по материалам Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 805-809. <https://elibrary.ru/pkbdwd>
8. Назаров А.Н. Революция 1905–1907 гг. в контексте изучения массового сознания населения (на материалах Санкт-Петербургской губернии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 4. С. 92-97. <https://elibrary.ru/qabmcn>
9. Попова О.Д., Попова А.Д. Бунтующая семинария: протестное движение в духовных учебных заведениях (вторая половина XIX – начало XX века) // Новый исторический вестник. 2017. № 2 (52). С. 39-56. <https://elibrary.ru/zpdytd>
10. Рушанин В.Я. Учащаяся молодежь России начала XX века: политическая культура, партийные пристрастия и настроения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 49-55. <https://elibrary.ru/pjjiqr>
11. Тебиев Б.К. Студенческая и учащаяся молодежь в революции 1905–1907 гг. // Высшее образование в России. 2017. № 2 (209). С. 157-168. <https://elibrary.ru/xwwlav>
12. Сафонов Д.А. «Земля и воля» как вековая мечта российского крестьянства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 149-154. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-189-149-154>, <https://elibrary.ru/zgjzzu>
13. Соколова В.И., Ласточкин В.Б., Бойко С.И. Крестьянский мир Чувашии в социально-экономическом и политическом противостоянии власти в годы первой русской революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. 2021. № 9-2. С. 16-29. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi01>, <https://elibrary.ru/ootqdp>
14. Свиридов И.С. Пробуждение самосознания великорусского крестьянства в начале XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 22. № 4 (168). С. 125-130. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4\(168\)-125-130](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-125-130), <https://elibrary.ru/yuadz>
15. Человек в революции: Казанская губерния: в 2 т. / под ред. Л.Р. Габдрафиковой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2016. Т. 1. 1905–1907 гг. 360 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008689796>
16. Рыбаков Р.В. Восприятие революции в России молодежью: по материалам писем и дневников 1917-го – первой половины 1920-х гг. // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2017. № 2. С. 31-33. <https://elibrary.ru/yoyqxd>
17. Сафонов Д.А. Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники. Оренбург: ОГУ, 2021. 311 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010841785/

References

1. Vyazinkin A.Yu., Yakimov K.A. (2022). Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 27, no. 5, pp. 1296-1303. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303>, <https://elibrary.ru/carsng>

2. Vyazinkin A.Yu. (2022). Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: problems of historiography. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, no. 7-2, pp. 153-165. (In Russ.) <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46>, <https://elibrary.ru/ipecnd>
3. Slezin A.A. (2022). Rural youth of the first third of the 20th century and its impact on society from the perspective of contemporary researchers. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, no. 8-2, pp. 106-128. (In Russ.) <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32>, <https://elibrary.ru/xkodrt>
4. Busko S.I. (2019). Youth in the 1905–1907 revolution (on the example of Belarusian provinces). *Sofiya: elektronnyi nauchno-prosvetitel'skii zhurnal* [Sofia: Electronic Scientific and Educational Journal], no. 1, pp. 133–138. (In Russ.) <https://elibrary.ru/lnlcro>
5. Ishchenko O.V. (2008). Uchashchayasya molodezh' Sibiri v period pervoi rossiiskoi revolyutsii 1905–1907 godov: kharakter protestnykh dvizhenii [Siberian students during the First Russian Revolution of 1905–1907: the nature of protest movements]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 34, pp. 148-160. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ktutxd>
6. Kistanov S.V. (2013). Molodezh' Mordovskogo kraia v revolyutsionnykh sobyitiyakh nakanune i v period revolyutsii 1905–1907 gg. [Youth of the Mordovian region in the revolutionary events on the eve and during the revolution of 1905–1907]. In: Arsentev N.M. (executive ed.). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Molodezh' kak aktivnyi sub"ekt sovremennogo obshchestva»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Youth as an Active Subject of Modern Society”]. Saransk, N.P. Ogarev Mordovian State University Publ., pp. 44-49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uzbtmg>
7. Malysheva N.V. (2012). Youth movement in provincial towns of Russia in the late 19th century and early 20th century (Sredneye Povolzh'ye). *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo = Izvestia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo*, no. 27, pp. 805-809. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pkbdwd>
8. Nazarov A.N. (2007). The revolution of 1905–1907 in the context of studying people's mass consciousness (on the materials of saint-petersburg province). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no. 4, pp. 92-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qabmcn>
9. Popova O.D., Popova A.D. (2017). The Rebellious Seminary: The Protest Movement in Spiritual Educational Institutions (second half of the 19th – beginning of the 20th Centuries). *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, no. 2 (52), pp. 39-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zpdytd>
10. Rushanin V.Ya. (2012). Student youth of the Russia of the beginning of the 20th century: political culture, party predilections and minds. *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* [Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts Herald], no. 2 (30), pp. 49-55. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pjjiqr>
11. Tebiev B.K. (2017). Students and studying youth in the revolution of 1905–1907. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*, no. 2 (209), pp. 157-168. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xwwlav>
12. Safonov D.A. (2020). “Land and liberty” as the age-old dream of the Russian peasantry. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 25, no. 189, pp. 149-154. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-189-149-154>, <https://elibrary.ru/zgjzzu>
13. Sokolova V.I., Lastochkin V.B., Boiko S.I. (2021). The peasant world of the Chuvash region in the socio-economic and political confrontation with the authorities during the first Russian revolution of 1905–1907. *Voprosy istorii = Voprosy Istorii*, no. 9-2, pp. 16-29. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi01>, <https://elibrary.ru/ootqdp>
14. Sviridov I.S. (2017). The awakening of Great Russian peasantry's consciousness at the beginning of 20th century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 22, no. 4 (168), pp. 125-130. (In Russ.) [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4\(168\)-125-130](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-4(168)-125-130), <https://elibrary.ru/yuadcz>
15. Gabdrafikova L.R. (academ. ed.). (2016). *Chelovek v revolyutsii: Kazanskaya guberniya: v 2 t.* [A Man in the Revolution: Kazan Governorate: in 2 vols.]. Kazan, S. Marcani Institute of History Publ., vol. 1, 1905–1907, 360 p. (In Russ.) URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01008689796>
16. Rybakov R.V. (2017). Perception of Russian revolution by youth: on materials of letters and diaries, 1917 – first half of the 1920th. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' = Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, no. 2, pp. 31-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yoyqxd>

17. Safonov D.A. (2021). *Epokha revolyutsionnykh peremen pervoi chetverti XX veka v vospominaniyakh sovremennikov: orenburgskie istochniki* [The Era of Revolutionary Changes of the First Quarter of the 20th century in the Memories of Contemporaries: Orenburg Sources]. Orenburg: Orenburg State University Publ., 311 p. (In Russ.) Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010841785/

Информация об авторе

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0000-0003-0882-4592>
d_safonov@mail.ru

Поступила в редакцию 17.02.2023
Поступила после рецензирования 12.05.2023
Принята к публикации 19.05.2023

Information about the author

Dmitriy A. Safonov, Dr. habil. (History), Professor, Leading Research Scholar, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation.
<https://orcid.org/0000-0003-0882-4592>
d_safonov@mail.ru

Received 17.02.2023
Approved 12.05.2023
Revised 19.05.2023